

Застава Тунгуань наконец была в их руках. Ян Си, пребывая в превосходном расположении духа, негромко рассмеялся и протянул руку, ласково приглаживая ратрепавшиеся волосы Ян Е:

— Некоторых людей всё же стоит держать при себе. Взгляни на Хуанхэ: она берет начало в западных горах, собирая талые снега, и несёт свои воды сюда. У самых истоков её поток наверняка чист и прозрачен как хрусталь. Но на своём пути она принимает притоки: реку Куе, Вудин, Фэнь, Вэй... Воды Куе полны песка и глины, Вэй протекает через Чанъань, вбирая в себя всю столичную грязь, да и прочие реки едва ли отличаются чистотой. И всё же Хуанхэ принимает их все. Её величие рождается из слияния множества разных русел. Пусть она не падает с небес, как воспевали поэты былых эпох, но её бушующий бег воистину грандиозен. Да, река эта мутна и полна скверны. Но не будь в ней этой мути, она иссохла бы и сгнула ещё в песках пустыни, так и не добравшись до Тунгуаня. И уж точно никогда не впала бы в Восточное море.

Ян Е долго молчал, переваривая услышанное, а затем негромко произнёс:

— Я убил Сяо Наньяня. Знай я раньше, брат, что ты думаешь именно так, оставил бы его в живых.

— Из-за той засады на хребте Жёлтого Дракона? — отозвался Ян Си. — Что ж, убил и убил, не беда. Впредь просто будь осмотрительнее. — Он перевёл взгляд вниз, на реку, где Бэйчэнь Цин уже поднялся на борт военного судна, направлявшегося к середине течения. — Юньци обещал мне взять переправу Фэнлин ещё до Праздника драконьих лодок. Говорит, сможем спокойно лакомиться цзунцзы.

До праздника оставалось всего четыре или пять дней. Бэйчэнь Цин всегда держал слово — в отличие от Ян Е, гораздного молоть языком. Вдвоём они вернулись в надвратную башню. Ян Си немедленно созвал военачальников, чтобы распределить посты на заставе Тунгуань и согласовать размещение войск с планами Бэйчэнь Цина. Ян Е же, недолго думая, забрался на стоявшую позади брата кушетку, свернулся калачиком и безмятежно заснул.

Покончив с распоряжениями, Ян Си велел пригласить к себе Жэнь Гуаня для неспешной беседы. Заметив свернувшегося за спиной князя Ян Е, который сладко посапывал во сне, Жэнь Гуань покачал своей потрёпанной веерной метёлкой и с улыбкой заметил:

— Наш молодой маркиз горазд и поест, и поспать. Великое счастье для него — быть подле Вашего Высочества! Впрочем, как и для Вашего Высочества — иметь рядом его. А генерал Бэйчэнь всё ещё трудится снаружи? Похоже, ему на роду написано вечно хлопотать. Тяжкая доля ему выпала.

— Верно, — согласился Ян Си. — Юньци намерен единым ударом захватить переправу Фэнлин. После этого я планирую начать наступление со стороны Тунгуаня и одновременно направить часть войск в Цзиньчжун и Хэбэй, чтобы зажать Лоян в клещи с севера. Что думаете об этом, господин?

Жэнь Гуань усмехнулся:

— Если Вашему Высочеству удастся прибрать к рукам Цзиньчжун и Хэбэй, падение Лояна станет лишь вопросом времени. Теперь, когда Тунгуань взят, мой непутёвый ученик наверняка уже получил известия. Посмотрим, как он на это отреагирует.

Пока они беседовали, слуга доложил, что к Ян Си спешит посланник. Прибыл человек из поместья князя Цэня, который всю ночь гнал коня из Чанъаня в Тунгуань, дабы доставить груз. Оказалось, Бэйчэнь Цину срочно требовался запас горючего масла, и старый князь Цэнь Цзинь спешно выкупил его через купцов в Луншане, переправив сюда. Вместе с маслом привезли два больших короба с цзунцзы — крошечными, искусно перевязанными разноцветными шёлковыми нитями. Посланник почтительно отчитался перед Ян Си:

— В Чанъане старшая уездная принцесса взяла на себя все дела поместья.хлопот у неё предостаточно, однако в столице всё спокойно, так что Ваше Высочество может ни о чём не беспокоиться. Старшая принцесса очень печётся о вашем здравии и велела разузнать, благополучно ли вы устроились. А младшая уездная принцесса, делаясь с сестрой заботами, сама управлялась на кухне и собственноручно приготовила эти цзунцзы, умоляя передать их князю Чжао на пробу.

Ян Си улыбнулся:

— Цзунцзы от Сяо Мэй? Что ж, такое непременно нужно отведать.

Он первым делом наполнил тарелку и учтиво пододвинул её Жэнь Гуаню. Тот поспешно поднялся, выражая благодарность. Затем Ян Си мягко позвал спящего:

— Сяо Лан, просыпайся, поешь маленько. Сначала перекуси, а потом уж досыпай.

Ян Е проснулся ещё от шороха шагов, но продолжал притворяться спящим. Поняв, что от брата не укрыться, он нехотя зашевелился, сел и, едва взглянув на угощение, безучастно бросил:

— Я не люблю цзунцзы.

Посланник, служивший помощником управляющего в поместье князя Цэня, славился своей дотошностью. Он тут же почтительно повернулся к Ян Е:

— В таком случае, быть может, маркизу придутся по вкусу мясные? Смею припомнить, во время пира в нашем поместье князь Чжао обмолвился, что господин маркиз обожает мясо. Потому эти цзунцзы приготовлены с мясной начинкой. У нас в Гуаньчжуне их принято делать со сладкими финиками и клейким рисом, тогда как мясные цзунцзы — старинный обычай южных земель, Цзяньнана. Благо при нашей кухне служат несколько поваров-южан; младшая уездная принцесса нарочно расспросила их обо всех тонкостях, чтобы завернуть именно такое

угощение. Понравится ли оно Хуайнань-хоу?

Ян Е уставился на управляющего. В груди у него шевельнулась внезапная тревога, но он лишь нахмурился, и лицо его стремительно потемнело. Спустя мгновение он раздражённо отрезал:

— С мясом я тоже не люблю. Их ведь прислали для князя Чжао, верно? Так с какой стати ты допытываешься у меня?

Слуге оставалось лишь поклониться:

— Слушаюсь, слушаюсь. Прошу простить мою навязчивость, господин маркиз.

Ян Си негромко кашлянул:

— Сяо Лан...

Но младший брат без церемоний перебил его:

— Где Юньци? Пойду гляну, чем он там занят.

Он подхватил свой дорожный плащ, поплотнее запахнул его и стремительно вышел прочь.

Снаружи грохотали повозки — это Бэйчэнь Цин вместе с солдатами проверял доставленные бочки с горючим маслом. Ян Е подошёл ближе:

— Юньци, к чему тебе столько масла?

— Взгляни-ка на эти наплавные мосты, — отозвался Бэйчэнь Цин и увёл его к берегу Хуанхэ.

Небо на востоке едва заметно посветлело, окрашиваясь в предрассветный серый цвет. Три понтонных моста были выстроены уже больше чем наполовину.

— Генерал Юань сейчас связывает боем вражеские силы у переправы Погружения Луны, — продолжил Бэйчэнь Цин. — Однако Вэй Мэндо опытен, он быстро раскусит наш обманный манёвр. Мне во что бы то ни стало нужно завершить строительство до наступления сумерек. Затем мы спрячем бочки с горючим под настилами — в лодках и на кожаных плотках. Когда я заманю вражескую конницу на мосты, мы их подожжём.

Ян Е удивлённо приподнял брови:

— Сжечь? Сразу же, как только достроим?

— Разумеется, в обычных обстоятельствах никто бы на такое не пошёл: возведение этих переправ требует колоссальных трудов и средств, — усмехнулся Бэйчэнь Цин. — Но казна князя Цэня поистине неисчерпаема. Он не поскупился, нанял уйму лодок, заготовил кожаные плоты и заранее припас всё необходимое, чтобы навести мосты заново. Для него подобные траты — капля в море, старый князь даже не поморщится. Если Чжао-ван в итоге заполучит Поднебесную, любые расходы окупятся с лихвой. Так что жалеть тут нечего.

Ян Е рассмеялся:

— Ну и мот же ты! Легко разбрасываться чужим добром, когда из своего кармана ни медяка не вытащил.

Бэйчэнь Цин мягко улыбнулся:

— Пройдёмся на восток, взглянем на боевые ладьи.

Ян Е приобнял его за плечи, и они неторопливо пошли вдоль кромки воды.

— Я велел установить каменёты прямо на палубы, — указал Бэйчэнь Цин на выстроившиеся у берега суда. — Ветер на реке сейчас попутный, сильный. Если уж пускать в ход огонь, то пускай полыхает на славу.

Он не смыкал глаз двое суток подряд. Под его глазами залегли глубокие тёмные тени, однако держался он на удивление бодро, продолжая уверенно отдавать приказы и указывать направление.

Ян Е коснулся ладонью его лба. Кожа оказалась горячей — парня явно лихорадило.

— Да у тебя жар! — встревожился он. — Заболел?

— Просто простудился, — отмахнулся Бэйчэнь Цин. — Пустяки. Продержусь, пока не заберём переправу Фэнлин.

Ян Е поспешно распахнул собственный плащ и укутал его по самые плечи, сокрушённо вздыхая:

— Как говорится, умному — заботы, умелому — труды, а дураку вроде меня — ни горя, ни беды. Эх, Юньци... Как только переправа Фэнлин падёт, запрю тебя в спальне, пока полностью не поправишься.

Большой генерал Вэй Мэндо в те дни отсутствовал на переправе Фэнлин — он спешно собирал подкрепление в тылах Хэбэя. Получив известие о внезапном нападении на Тунгуань, он помчался к заставе во весь опор, однако опоздал. К его прибытию Тунгуань уже пал. Когда помощник доложил, что от отряда, отправленного для обороны переправы Погружения Луны, до сих пор нет никаких вестей, опытный военачальник почувствовал неладное. Он грозно рявкнул на подчинённого:

— Идиот! Живо верни людей с переправы Погружения Луны! Нас провели!

Помощник поспешно отправил гонцов с приказом командиру речного флота немедленно выйти из боя с Юань Оумином и вернуться назад. Бэйчэнь Цин, улучив момент, скомандовал своим судам атаковать переправу Фэнлин. Боевые корабли, выстроившись попарно, прикрывали пехоту, которая уже ступила на наплавные мосты. Вэй Мэндо повёл своих людей на перехват. Завязалась ожесточённая схватка. Поначалу перевес оказался на стороне защитников переправы Фэнлин — речные силы Бэйчэнь Цина уступали им в мощи. Заметив, что враг начинает теснить его людей, молодой генерал приказал медленно отступать. Его корабли отошли назад, однако продолжали кружить по речной глади, словно выжидая нового шанса.

Воинство Бэйчэнь Цина в притворном испуге ринулось обратно по шатким настилам. В начавшейся суматохе кто-то падал замертво от стрел, кто-то с криками валился в холодные волны — отступление выглядело беспорядочным бегством, а воины казались совершенно сломленными.

Потеря Тунгуаня лишила обычно осторожного Вэй Мэндо былого хладнокровия. Увидев, что враг дрогнул, он приказал коннице и пехоте ринуться в погоню прямо по понтонам. Однако едва передовые отряды заполнили мосты, как Бэйчэнь Цин, стоявший на палубе флагмана, взмахнул сигнальным знаменем.

В то же мгновение тучи огненных стрел взмыли в небо и дождём обрушились на скрытые под настилами лодки и плоты с горючим. Воздух содрогнулся от серии глухих взрывов — переправы мгновенно занялись пламенем. Шквальный речной ветер довершил дело. В считанные секунды три моста превратились в беснующихся огненных драконов. Над водой поднялся удушливый чёрный дым, заглушая крики ужаса и предсмертные стоны гибнущих в огне солдат.

Пока в рядах противника царил полное смятение, Бэйчэнь Цин перестроил свой флот и двинул его вперёд. Стоило кораблям сблизиться, как заработали камнемёты. На палубы вражеских судов полетели не тяжёлые валуны, а бочки со смесью горючих масел. Изготовленные из хрупкого дерева, они с треском раскалывались при ударе, заливая палубы вязкой, легко воспламеняющейся жидкостью. Наблюдавший за этим с берега Вэй Мэндо побелел и закричал своим капитанам немедленно отходить, но было слишком поздно.

Следом полетели подожжённые стрелы. Огромные боевые корабли один за другим вспыхивали, как сухая солома. Отрезанные пламенем от шлюпок солдаты металась по палубам, пока огонь не вынуждал их прыгать прямо в бушующие холодные волны.

В тот день воды Хуанхэ усеяли тысячи тел и обломки судов. Глядя на окрасившуюся в багровые тона реку и жуткую картину пожарища, Бэйчэнь Цин негромко промолвил стоявшему рядом Ян Е:

— На самом деле война — это битва кошельков. С древнейших времён военачальники изощрялись в уловках и хитроумных планах, но исход битв всегда решали численность войск и золото. Тот, у кого есть казна, завоеует Поднебесную; без денег же не сделать и шагу. Разве я не прав?

Ян Е хмыкнул:

— Неправ, конечно. Тебе легко рассуждать, пока ты сидишь на сундуках старого князя Цэня и можешь так безбожно транжирить припасы и жечь чужие корабли.

Несколько дней на пределе сил дали о себе знать: Бэйчэнь Цином овладела свинцовая усталость. Он бессильно прислонился плечом к груди Ян Е и прошептал:

— Моя заветная мечта — вести полки за собой под самым солнцем. Если князь Чжао воцарится в этих землях, я продолжу расширять границы его империи. Но тогда у нас уже не будет золота князя Цэня... Сяо Лан, тебе придётся наполнять мою военную казну. Будешь зарабатывать для меня серебро.

— Ну уж нет! — фыркнул Ян Е. — Моя заветная мечта — набить карманы золотыми векселями и обойти все элитные весёлые кварталы Поднебесной. Каждую монету я лучше спущу на лучших куртизанок, но ни за что не отдам тебе на твои безумные забавы!

Обмениваясь шутками, они наблюдали, как их уцелевшие отряды принимаются спешно наводить новые понтонные переправы на месте сгоревших.

— Если этот упрямец Вэй Мэндо решит сунуться снова, — пробормотал Бэйчэнь Цин, — я без колебаний спалю ещё три моста...

После сокрушительного поражения у переправы Фэнлин речной флот Вэй Мэндо понёс невосполнимые потери. Понимая, что удержать рубеж не удастся, при виде наступающих сил Бэйчэнь Цина старый генерал решил не рисковать остатками войска. Он покинул переправу Фэнлин и приказал отступать на север, к границам Хэбэя.

В тот день как раз праздновали Дуанью.

Череда жестоких поражений на фронте ничуть не помешала императору в далёкой столице праздновать Дуанью вместе с вельможами и простым людом. По водам рек И и Ло скользили праздничные лодки-драконы, украшенные пёстрыми гирляндами цветов. Ловкие гребцы застыли наготове в предвкушении состязаний, каждый надеялся урвать крупную удачу. На

берегах яблоку негде было упасть: праздный народ шумел, а между людьми сновали разносчики благовоний и цветов.

У самой кромки воды, где должны были развернуться гонки, высились нарядные смотровые шатры, увешанные пучками целебного аира и полыни для отпугивания злых духов. Вокруг самого пышного, императорского шатра плотным кольцом застыли гвардейцы в сверкающих доспехах.

Император Ян Тао восседал на возвышении, созерцая это фальшивое, хрупкое процветание великой державы. Стол перед ним ломился от изысканных лакомств, свежих плодов и гор сложенных причудливыми пирамидами цзунцзы. Вельможи вокруг так и лучились праздничным довольством. Желая казаться подданным великодушным и снисходительным владыкой, Ян Тао не хотел омрачать этот светлый день дурными вестями. Он осторожно спрятал в широкий рукав срочное донесение с фронта и продолжал вымученно улыбаться, хотя на душе у него было невыносимо горько, словно сердце припекало живым огнём.

Его верный фаворит Цзин Хуайюй, сидевший по правую руку, как никто другой умел ловить малейшие перемены в настроении господина. Заметив тень, пробежавшую по лицу государя, он тихо склонился к его уху:

— Ваше Величество утомлены? Быть может, пожелаете вернуться в покои для отдыха?

Ян Тао ненадолго задумался, а затем кивнул:

— Пожалуй. Ты останься здесь и развлеки моих министров от имени престола. Пусть празднуют до упаду.

Он неспешно поднялся со своего места. Сопровождающие евнухи и слуги тут же засуетились, выстраиваясь следом, чтобы проводить государя обратно в чертоги.

Паланкин императора мерно покачивался, унося его прочь от праздничной суеты по переулкам Лояна. Миновав несколько поворотов и оказавшись на тихой улочке, Ян Тао внезапно скомандовал:

— Стой.

Прямо перед ним высились строгие ворота Верховного суда — Верховного суда империи. Император молча вглядывался в них какое-то время, затем сошёл на землю, миновал главные двери суда и направился напрямик во внутренний двор.

Всё тот же уединённый, скрытый от посторонних глаз сад. Лин Шу, облачённый в простую нижнюю рубаху из тонкого жёлтого шёлка, безучастно сидел на невысоком ложе под навесом террасы. Перед ним росла дикая яблоня, чьи ветви ломились от гроздьев незрелых зелёных

плодов, а в листве с весёлым щебетом перелетали с ветки на ветку крошечные белоглазки. Заметив, как Ян Тао медленно обходит галерею с опущенной головой, Лин Шу поспешно поднялся и склонился в приветственном поклоне, не проронив ни звука.

Ян Тао замер напротив него и негромко произнёс:

— Поднимись. Пойдём в дом.

Лин Шу послушно последовал за ним. Они по-прежнему держались на некотором расстоянии друг от друга. Ян Тао занял почётное место в глубине комнаты, в то время как Лин Шу остался стоять у самого порога. Подошедший евнух безмолвно поднёс чай, и император жестом велел всем слугам удалиться. Лишь когда двери закрылись, он заговорил:

— Как тебе праздничные цзунцзы в этом году? Пришлись по вкусу? Я помню, что ты с самого детства любил те, что с кедровыми орешками и лепестками османтуса, поэтому велел прислать именно их.

Лин Шу негромко ответил:

— Да, Ваше Величество. Благодарю за милость.

— Незадолго до этого я получил спешное донесение с границы... — продолжил Ян Тао, но осёкся, тяжело вздохнул и умолк.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга. Наконец Ян Тао удивлённо приподнял брови:

— И ты даже не спросишь, что там написано?

<http://bllate.org/book/19546/1998832>